

но в них заметна растущая тяга к романтическому, к символизму. А сила ваших первых вещей заключалась именно в здоровом реализме... Вашим персонажам не хватает крови, вашим описаниям природы — почвенности; читателю кажется, что ваши деревья стоят в вазах, а не растут в земле. Вы ведь не сердитесь на меня, правда?»

И все же что-то удерживало Грейнера от решительного шага: быть может, чрезмерно дружный натиск на его «свободную волю». Как бы то ни было, но он еще не поехал в гитлеровскую империю. Напротив, он бежал из Парижа, от умных собеседников и их непрощенных советов.

Он направился в Бретань, сначала в курортный городок, а потом в рыбацкий поселок, где повстречался с великим множеством людей и среди них с двумя типами народных вожаков, ловким и корыстным мэром Мандеком и партийным работником, стойким коммунистом Фойу. Но главное событие в жизни Грейнера на берегу моря — его роман с красавицей-бигудэнкой Мари, поэтичный и страстный, но слишком скоро и слишком горько оборвавшийся.

Приморские главы если не лучшие, то бесспорно наиболее поэтические главы романа. Скульптурно вылепленные образы моряков, старых и молодых работниц, на фоне которых выделяется очаровательный образ Мари, шумный престольный — по сути же народный — карнавалы-пестрый праздник в честь св. Анны и тихая прогулка с любимой вдоль скалистого берега моря, романтический пейзаж и сообщающая ему дополнительную, сказочную кра-

ОКЕАН ДЖОНА ЧИВЕРА

John Cheever. The Brigadier and the Golf Widow. New York, Evanston and London. Harper and Row Publishers. 1964.

Грустно и весело входим в мир Джона Чивера, который он открывает нам в своем новом сборнике рассказов «Бригадир и вдова гольф-клуба». Грустно — оттого, что это мир катастроф, разорений, старений, унижений человеческого достоинства, обесценивания человеческих чувств, мир звериного эгоизма и равнодушия. Весело — оттого, что картину этого мира пишет художник веселый, беспощадный и несентиментальный. Он не заразился от своих героев ни тоской их, ни растерянностью, ни чувством безнадежности. Для него человеческие ценности не перестают существовать оттого, что они попорчены. Эти ценности для него незыблемы: он чуток к малейшему уродству и видит его там, где более поверхностный наблюдатель увидел бы лишь обыденность, норму; его не обманывает внешняя оболочка благополучия, и он видит современный мир во всей его катастрофичности.

В сборнике шестнадцать рассказов. О чем они? О жизни и о зыбкости жизни. Герой

соту средневековая повесть о затонувшем городе — все это сгущается, уплотняется в единый образ народа, вечной живительной основы бытия человеческого, уходящей корнями в прошлое, но всегда пребывающей в настоящем и знаменующей будущее. Эта тема получает другое, не менее полногласное звучание в замечательной главе «Народ Парижа». Она завершается последней беседой Рихарда с матушкой Мишон перед его отъездом на родину и ее скорбным восклицанием сквозь горькие слезы: «Ну почему мир так плохо устроен, почему, почему?»

Отыщет ли Рихард Грейнер народ, тем более свой немецкий народ? Отыщет ли он «корень Моли» — легендарный знак, уберегший Одиссея от чар колдуньи, которая превращала своих злополучных гостей в свиней или собак; иными словами, нашел ли Грейнер спасительную силу, способную уберечь его от исторического зла, вывести этого «благомыслящего путаника» на путь разумной борьбы за лучшее будущее немцев, всего человечества?

Роман не дает прямого ответа на эти вопросы сочувствующего читателя, отсылая нас к еще не завершеному второму роману — продолжению.

Но и первый роман диалогически написан с прекрасным знанием материала и подлинной психологической глубиной. Социалистический реализм в нем торжествует бесспорную победу. С нетерпением ждем продолжения этого повествования, насыщенного событиями XX века.

Н. ВИЛЬМОНТ

Чивера — состоятельный американец конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. О, он живет прекрасно! У него собственный плавательный бассейн, несколько машин, дом в пригороде, с двумя ванными комнатами и двумя телевизорами; его обслуживают горничная, кухарка и садовник. А если он победнее — в гараже у него всего одна машина, и, быть может, не самой последней модели, а вместо кухарки и горничной — приходящая девочка-нянька. Быт необременителен: пылесосы, стиральные машины, машины для мытья посуды, холодильники, в которых можно запасти провизию на неделю и больше, и магазины с разнообразным ассортиментом товаров. Но отчего изо дня в день у его жены пригорает обед? Почему и сам он, и его жена, и даже священник, — почему они поглощают так много джина, виски, martini? Почему сотнями и тысячами бродят эти благополучные люди по Европе, словно народ, не имеющий отечества? Почему им кажется, что беды, невзгоды, несчастья подстерегают их на каждом шагу? Чем они так утомлены, от чего приходят в отчаяние, почему собственная жизнь кажется им лишеной смысла? Отчего приснившаяся нелепая фраза, составленная из несуществующих слов, ста-

СРЕДИ КНИГ

новится единственной реальностью в жизни, которая с каждым годом кажется все иллюзорнее, все бредовее?

Эти риторические вопросы, не требующие ответа, рассыпаны по всей книге, составляя как бы лейтмотив ее.

Чивер — писатель музыкальный, и сборник его рассказов — не случайное собрание, а как бы музыкальная сюита. Главная тема одного рассказа вновь возникает в другом, как второстепенная, и хотя каждый рассказ имеет совершенно самостоятельное право на существование, они все выигрывают от соседства друг с другом.

Тема рассказа, которым открывается книга, «Бригадир и вдова гольф-клуба» — страх перед атомной войной. Чета Пастернов — владельцы благоустроенного бомбоубежища, которое стоило им 32 тысячи долларов. Мистер и миссис Пастерн заранее решают не брать в него своих родственников — малолетних племянников и престарелую мать. Но, оказывается, у этих черствых людей имеются свои иллюзии: мистер Пастерн находит забвение от тягот современной жизни в объятиях соседки — жены коммивояжера, торгующего пластмассовым зубоорудием, а миссис Пастерн утоляет свою духовную жажду «общественной работой» (она собирает средства на борьбу с инфекционной желтухой) и верит в непогрешимость своего духовного пастыря, епископа с измученными глазами наркомана, который решил осчастливить ее внезапным визитом.

И у любовницы мистера Пастерна и у высокого гостя миссис Пастерн — цель одна: получить доступ в их бомбоубежище. Любовница вымогает ключ от бомбоубежища у мистера Пастерна, об этом узнает жена. Семья распадается. Сам Пастерн разоряется, проворовывается и попадает в тюрьму. Любовница Пастерна тоже вынуждена развестись со своим коммивояжером и появляется в конце рассказа как тень, как символ безумия катастрофического мира — в легком плаще и летних туфельках она бродит по снегу вокруг благоустроенного бомбоубежища, давно уже перешедшего к очередным пастернам, купившим участок.

«Ангел на мосту» — второй рассказ в сборнике — также посвящен страху, страху перед жизнью. Мать рассказчика боится летать на самолетах, брат — подниматься на лифте (он даже потерял работу вследствие этого страха, так как фирма, в которой он служил, переехала на 52-й этаж!), а самого рассказчика охватывает панический ужас всякий раз, как он едет в машине через мост. Но вот однажды девушка с маленькой арфой под мышкой попросила его подвезти ее и всю дорогу пела ему старинные народные песни, и он забыл свой страх. Кто был этот «ангел»? Поэзия? Искусство? Муза? Народ? Этому Чивер не говорит, ибо рассказы его хоть и полны символического значения, отнюдь не являются аллегориями. Как бы то ни было, рассказчик, верный ощущению зыбкости своего мира, признается, что не хочет иску-

The BRIGADIER
AND THE GOLF
WIDOW
JOHN CHEEVER

шать судьбу, и по-прежнему объезжает мост Вашингтона, на котором его впервые охватил этот необъяснимый страх — «этот неумело скрываемый от себя ужас перед будущим, которое ожидает мир».

Тема «эмпатриации» — тоски по родине и тоски на родине — холодной волной проходит через всю книгу. Гребень этой волны приходится на рассказ «Женщина без родины».

Бездушный и варварский закон лишает Энн Маршан ребенка. И, словно для того, чтобы доконать ее окончательно, вся Америка начинает распевать вульгарную и обидную песенку, сочиненную каким-то острословом по поводу того самого шумевшего бракоразводного процесса, жертвой которого сделалась Энн. Энн Маршан скитается по Европе, она хочет забыть все — свое прошлое, Америку, свою принадлежность к ней, она даже скрывает от портье гостиницы свою истинную национальность. Однако от самой себя она не в силах скрыть своей сосущей тоски по родине. Наконец она не выдерживает больше, садится в самолет и летит — домой, домой, на родину! Увы, Америка, как оказалось, ничуть не изменилась. Первое, что доносится до ушей репатриантки, — это та самая бездушная песенка, которая обрекла ее на скитания. Не покидая аэродром, Энн пересаживается на самолет и вновь улетает мыкать на чужбине свою тоску по родине...

В рассказах Чивера фантазия причудливо переплетается с реальностью, ибо, как говорит автор, «самые дикие полеты фантазии по сравнению с действительностью кажутся плоскими, как запись в конторской книге». Время у Чивера подчас несет двойную нагрузку. Так, в рассказе «Пловец» (быть может, самым значительным из всех шестнадцати) герой за какие-нибудь два-три часа предосеннего дня «проплывает» всю свою жизнь. В начале рассказа мы его видим молодым и сильным, проходящим под

ветвями цветущей яблони, а в конце — это измученный, скорбленный человек; красные и желтые листья падают кругом него, он бездомен, он растерял семью, у него ничего не осталось, кроме пары трусов, в которых он отправился в свое плавание.

Рассказ, которым Чивер заключает свою книгу, озаглавлен «Океан» и, подобно океану, вмещает в себя все ее элементы: семейный неуют, бессмыслицу жизни, виски и одинокий протест, в котором слышится голос самого художника: «Я не хотел думать о грусти, о безумии, о тоске, об отчаянии. Я хотел бы сосредоточиться на победах, на любви новоявленной, на упорядоченной, лучезарной и ясной стороне жизни». Несмотря на это желание, рассказ (и книга) кончается безумием героя и погружением его в нелепый, фантастический сон, переходящий в сладкий сон забвения.

ТОЛСТОЙ В РУМЫНИИ

Tatiana Nicolescu. Tolstoi și literatura română. București, Editura pentru literatură. 1963.

Исследование Т. Николеску «Толстой и румынская литература» представляет собой интересный вклад в историю русско-румынских литературных связей.

Естественно, что в Румынии, где, как и во всем мире, внимание к произведениям и к личности Толстого было велико, творчество русского писателя и мыслителя и его религиозно-моральная доктрина воспринимались по-своему. Характер воздействия произведений Толстого на румынскую литературу определялся национальной спецификой, своеобразием исторических условий страны, личными склонностями писателей и их принадлежностью к тому или иному общественному направлению.

Т. Николеску отмечает живую, непосредственную связь Толстого с румынским народом и страной, которую он посетил в молодости в начале Крымской войны. После двухлетнего пребывания на Кавказе Толстой был переведен в Дунайскую армию, начавшую военные действия против Турции на территории румынских княжеств, Молдавии и Валахии.

Первые румынские впечатления Толстого отражены в его письмах к Т. А. Ергольской, в них Бухарест описывается, как большой красивый город с французским театром и итальянской оперой. От наблюдательного глаза молодого писателя не укрылись характерные черты румынского быта, резкий контраст между цивилизацией в городах и нищенским существованием крестьян. В своем дневнике он задумывается над судьбой страны, очаровательной в своей красочности и вместе с тем бесконечно печальной. До конца жизни Толстой сохранил поэтические воспоминания о днях, проведенных в Бухаресте и Яссах, о румынском народе, кото-

И все же — ибо такова диалектика искусства! — мы закрываем книгу с чувством скорее счастливым, чем тягостным: на каждой странице, словно подземный ключ, бьет сознание того, что у жизни есть «лучезарная и ясная» сторона. А если она есть, как бы говорит нам автор, значит, надо ее искать, и можно ее найти.

Чивер — не обличитель, он скорее «лирический сатирик». Подобно героине одного из своих более ранних рассказов, он не жалуется, а «поет свою печаль». Как всякий подлинный прозаик, он — поэт.

И подобно девушке с арфой, его муза помогает читателю бесстрашно совершать путешествие по мосту, перекинутому через бездну отчаяния, которую с такой беспощадностью показывает нам Джон Чивер.

Т. ЛИТВИНОВА

рый показался ему таким похожим на русский. На закате своей жизни он вспоминал румынскую «хору» (хоровод) и девушку, пропевшую что-то вроде румынской частушки.

Пребывание Толстого на румынской земле относится к начальному периоду его творчества. В Бухаресте он заканчивал «Отрочество» и работал над рассказом «Рубка леса», по несколько раз переделывая его. В дневнике этого периода Толстой упоминает написанные им стихи, которые, однако, до нас не дошли. Жизнь в Бухаресте, полная развлечений, мешала серьезным занятиям, и все же среди прочитанных в то время книг Толстой называет Гете, Диккенса, Шиллера, Лафонтена. Он перечитывает Пушкина и Лермонтова и по-новому воспринимает «Цыган» с их молдавскими мотивами и «Песни западных славян», навеянные балканским фольклором.

Живая связь Толстого с румынским народом возобновилась в Ясной Поляне, куда среди посещавших его иностранцев приезжали и румыны, чтобы выразить ему свое восхищение, побеседовать о волнующих их проблемах, попросить разрешения на переводы его произведений.

— В противоположность другим странам, начавшим знакомство с Толстым переводами его художественных произведений, в Румынии сперва возник интерес к его философским идеям, а затем уже к его романам и драматургии. «Война и мир» и «Анна Каренина» были переведены на румынский язык лишь в 1911 году. Образцом послужили сокращенные французские переводы, в тексте которых было выпущено самое существенное и ценное (анализ внутреннего мира героев, характеристика Кутузова, описание Бородинского поля в «Войне и мире» и др.). Но румынская интеллигенция знакомилась с